
ЭПОХА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

Хреков А.А.

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В ПРАВОБЕРЕЖНЫХ РАЙОНАХ САРАТОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫС. Н. Э.

Заключительный период раннего железного века и начало средневековья характеризуются чрезвычайно активными и сложными процессами, охватившими степные и лесостепные регионы Восточной Европы, в том числе и правобережные районы Саратовского Поволжья. В этнокультурном плане археологические памятники Саратовского Правобережья оказались весьма разнородными и явно не составляют единого культурного массива. На сегодняшний день представляется возможным выделить как минимум три культурно-хронологические группы населения II–IV вв. н. э., оказывавшие значительное влияние друг на друга. Материалы, относящиеся к первой группе, представлены позднесарматскими могильниками (Каменка, Рыбушка, Двоекна, Большая Дмитриевка, Аткарск, Машевка, Ключи, Власовка и др) II–III этапов по А.С. Скрипкину [Скрипкин, 1984. С. 101–116]. По данным А.Д. Матюхина [Матюхин, 1992. С. 145], А.А. Хрекова [Хреков, 1986. С. 82], К.Ю. Ефимова [Ефимов, 1988. С. 26], В.Д. Березуцкого [Березуцкий, 1988. С. 36], они сосредоточены в Правобережье Волги, бассейне реки Медведицы и Прихоперье (рис. 1). Погребальный инвентарь включает лучковые и сильнопрофилированные фибулы; зеркала с боковым ушком и центральной петелькой; мечи и кинжалы с кольцевидным навершием и без металлического навершия и перекрестия; пряжки с овальной рамкой, такой же обоймой и прогнутыми язычками; квадратные курительницы; сероглиняные миски нижнедонского и прикубанского производства. Хронологические интервал существования перечисленных изделий соответствуют концу II–III вв. н. э., что не исключает наличие более поздних комплексов.

Особенно в этом плане показательны большинство комплексов Большедмитриевского могильника, которые А.Д. Матюхин датирует второй половиной III века н. э. [Матюхин, 1997. С. 165]. К более позднему времени он относит позднесарматское погребение из кургана 13, в инвентаре которого встречено большое количество дорогих импортных вещей, украшения, сильнопрофилированные фибулы, римская стеклянная фиала, трехсоставной черняховский гребень с полуовальной спинкой III–IV вв. н. э. [Матюхин, Ляхов, 1991. С. 139–144]. В погребальном обряде появляются узкопрямоугольные ямы, катакомбы, деформация черепов, северная ориентировка. Изменение

погребального ритуала, проникновение западноевропейских, черняховских, северокавказских изделий (стеклянная фиала, черняховский гребень, янтарные грибовидные бусы, гончарная посуда и др.) автор связывает с переселением части сарматских племен под давлением готов на территорию Саратовского Правобережья [Матюхин, 1997. С. 165–166].

Наряду с погребениями кочевников в Саратовском Правобережье и Прихоперье известны синхронные им поселения, городища и грунтовые могильники круга «полей погребения». В Прихоперье это позднезарубинецко-раннекиевские древности инясевского типа [Хреков, 1994. С. 56]. Как правило, памятники занимают песчаные всхолмления, останцы или пониженные участки пойменных террас. Стационарными раскопками исследованы поселения Шапкино I–II, Подгорное, Разнобрычка, Репное, Борисоглебское IV, могильники и культовые объекты Инясево, Рассказань III [Хреков, 1997. С. 326; Мулкиджанян, 1998. С. 180–187].

На поселениях строительные комплексы представлены немногочисленными постройками подквадратной, прямоугольной и овальной форм, а также хозяйственными ямами.

Могильники по конструкции ям, обряду и облику сопровождающего инвентаря подразделяются на два типа. К первому (Инясево), наиболее раннему, относятся ямные, безурновые сожжения с большим количеством мелких кальцинированных человеческих костей, остатками костра, фрагментами грубой и лощеной керамики, украшениями, в том числе круга «выемчатых эмалей» [Хреков, 1991. С. 116–126].

Второй тип – ямные погребения «мемориального» характера (Рассказань III), заполненные спекшейся углистой супесью, отдельными фрагментами, развалами грубой и лощеной керамики (часто вторично обожженной), костями животных, рыб, немногочисленными кальцинированными косточками и, очень редко, какими-либо изделиями – ножами, шильями, пряслицами [Хреков, 1997б. С. 47–55], что является характерной особенностью погребального обряда киевской культуры [Терпиловский, Абашина, 1992. С. 39–44; Обломский, 1991. С. 62]. Вероятно, эти различия носят не только хронологический, но и этнический характер, связанный с притоком нового населения.

Набор прихоперской посуды (пропорции, соотношение форм, орнаментация, технология изготовления) является как бы переходным от керамического комплекса позднезарубинецких памятников типа Картамышево 2 – Терновка 2 к раннекиевским типа Шишино 5, Шмырево, Приоскольское 2, Попово – Лежачи 4, Днепровского левобережья [Обломский, 2003а. С. 19–20].

Хронология памятников инясевского типа пока укладывается в рамках конца II – середины III вв. н. э. [Хреков, 2000. С. 174–177].

По своему происхождению постзарубинецкие памятники, несомненно, связаны с позднезарубинецким населением Верхнего и Среднего Поднепровья и Левобережья Днепра [Хреков, 1997. С. 335]. Вместе с тем, и это существенно, на формирование памятников инясевского типа и смежных культур Правобережья оказали влияние пшеворские культурные традиции. В керамическом комплексе серия лепных лощеных сосудов, по форме и орнаментации близких к пшеворским прототипам, известна на поселении Шапкино 2 [Хреков, 1995. С. 15] в Тамбовской области, поселении Разнобрычка Саратов-

ской области [раскопки автора в 2005 г.], Ахунском городище в Пензенской области [Калмыкова, 1971. С. 74, рис. 3, 1], поселении Славкино и городище Лбище в Самарской области [Матвеева, 1997. С. 207–209]. Западное происхождение имеют некоторые изделия, например, фибула «Авцисса», восьмеркообразные пряжки из погребальных комплексов Андреевского кургана [Вихляев, 2000. С. 47] и железная шпора с пластинчатой дужкой, сужающимися загнутыми концами и ограненным шипом конической формы с поселения Разнобрычка. По классификации В.Б. Перхавко она относится к III типу и датируется III–V вв. н. э. [Перхавко, 1978. С. 120]. Близкая аналогия из бронзы известна в материалах раннекиевского поселения Попово-Лежачи 4 [Обломский, 2003а. С. 174, рис. 23, 9], где она определяется периодом C1a–C1в, то есть весь III век н. э. без последней его четверти. В пшеворской культуре такие шпоры отнесены к типу F-3 по Е. Гинальскому [Ginalski, 1991. S. 66–67].

Все эти факты свидетельствуют о западной линии связей постзарубинецкого населения Прихоперьья в конце II – первой половине III вв. н. э. не только с Поднепровьем, но и с пшеворскими племенами Центральной Европы. Определить характер этих связей пока не представляется возможным. Что касается местного населения городецкой культуры, то оно в основной массе, по периодизации В.Г. Миронова, во II–III вв. н. э. перемещается в лесную зону и трансформируется в древнемордовский этнос [Миронов, 1995. С. 79]. Это позволяет предположить наличие неких контактов местных финно-угорских племен с пришлыми постзарубинцами. Процесс ассимиляции местного городецкого населения западными группами фиксирует в Среднем Поволжье Г.И. Матвеева. В результате этого городецкая культура претерпевает настолько существенные изменения, что памятники её позднего этапа, датируемые с I по V вв. н. э., можно выделить в особую культуру [Матвеева, 1986. С. 158–159], что вполне согласуется с материалами Прихоперьья.

Памятники третьей группы пока локализируются вдоль правого берега Саратовского Поволжья. Несмотря на то что эта территория находилась в центре внимания многих исследователей, поселенческие памятники первой половины I тыс. н. э. практически не были известны. Ситуация стала меняться со второй половины 90-х годов XX в, когда в Прихоперьье были выделены постзарубинецкие древности инясевского типа [Хреков, 1994. С. 59], а на Вернем Дону памятники типа III Чертовичского городища [Медведев, 1998. С. 59].

Особый интерес представляет гладкостенная (грубая, лощеная) керамика, выявленная на ряде нижеволжских городищ (Чардымское I–II, IV – раскопки П.С. Рыкова, Н.И. Шестова, В.Г. Миронова; Ахматское – раскопки А.А. Спицина; Хлопковское – раскопки Н.М. Малова; Андриановское – раскопки В.В. Филипченко; Алексеевское – раскопки П.С. Рыкова, И.В. Синицина, О.В. Кочерженко, А.И. Юдина и др.). Обычно она занимала верхнее стратиграфическое положение и воспринималась как позднего городецкая или сопоставлялась со скифо-сарматским воздействием на городецкое население лесостепи.

Н.В. Трубникова отмечала, что подобная посуда не поддается хронологическому выделению, т.к. существовала на протяжении всей скифо-сарматской эпохи, хотя на северных приокских памятниках она относится к позднему периоду железного века [Трубникова, 1950. С. 129].

Заметное сходство гладкостенных горшков с посудой из сарматских погребений отмечал и П.С. Рыков при исследовании Чардымского I городища [Рыков, 1933. С. 63–64].

В ряде своих статей и автореферате диссертации В.Г. Миронов часть гладкостенной керамики отнес к городецкому комплексу, а подавляющее большинство сопоставил с верхнедонскими памятниками раннего железного века [Миронов, 1976. С. 20]. Присутствие подобной керамики на нижневолжских городищах он объяснял процессом некоего «симбиоза» оседающих на землю сармат с обитателями городецких поселений [Миронов, 1995. С. 79]. Близкой точки зрения придерживается К.Ю. Моржерин, изучавший лепную лощеную керамику Саратовских городищ [Моржерин, 1997. С.162–163].

Выделение в Прихоперье памятников инясевского типа позволило автору данной статьи высказать гипотезу о принадлежности гладкостенной (грубой) керамики с правобережных городищ к новому «культурному образованию», возникшему в результате инфильтрации сарматского и постзарубинецкого населения в лесостепную зону и какое-то время сосуществовавшего с позднегородецким [Хреков, 2000. С. 5–7].

Более детально остановился на этом вопросе А.И. Юдин при исследовании Алексеевского городища. По его мнению, появление гладкостенной керамики было связано не только с контактами городецких и сарматских племен, но и с зарубинецким импульсом, который достигает Волги как в районе Самарской Луки, куда, по мнению исследователей, переселилось население из Поднепровья и Припятского Полесья [Матвеева, 2000. С. 94–95], так и в районе Саратова на южной кромке лесостепи [Юдин, 2001. С. 54].

Таким образом, указанный керамический комплекс видимо претендует на самостоятельный культурно-хронологический статус и является основой для выделения нового пласта памятников типа Чардымского II – Алексеевского городищ, как наиболее полно изученных. По общему облику, технологии изготовления эта керамика разнородна в культурном происхождении, что заметно отличает её от посуды предшествовавших скифоидной и городецкой культур.

Основу этого комплекса составляют округлобокие сосуды с прямым, плавно или резко отогнутым наружу венчиком, расширение их тулова приходится на середину и верхнюю половину высоты (рис. 2, 1–7; 3, 1–5,7–8). Часть этих сосудов по характерному профилю и форме венчика обнаруживает сходство с лепными горшками I–VII типов верхнедонских памятников круга III Чертовицкого – Замятино [Акимов, Медведев, 2002. С. 161–165]. Истоки этого комплекса, как считают исследователи, исходят скорее всего, от населения сейминско-днепровского варианта киевской и отчасти черняховской культур [Акимов, Медведев, 2002. С. 167]. Вместе с тем, гладкостенная керамика обнаруживает определенные параллели с позднесарматскими лепными плоскодонными горшками типов I–II, IV [Скрипкин, 1984. С. 28, 142], отличаясь несколько более крупными размерами, хотя точные аналогии не известны.

Специфической категорией лепной посуды Чардымского – Алексеевского городищ, являются горшки (рис. 2, 8–11; 3, 9–10) с резким, зачастую ребристым изнутри переломом шейки и раструбообразным горлом (тип 3), доживающие до финала древностей круга Чертовицкого – Замятино. По мнению

Обломского, этот тип обнаруживает скифо-сарматские традиции в Черняхове [Обломский, 2003б. С. 31].

Немногочисленными пока фрагментами и развалами представлена керамика постзарубинецкого облика (рис. 2, 14; 3, 11–13). Горшковидные сосуды имеют слабую профилировку, едва намеченное ребро на тулове и слегка отогнутый венчик. Керамика отличается массивностью, крупными размерами и грубостью изготовления. Наиболее близкие и многочисленные аналогии такой керамики обнаруживают в лесостепном Прихоперье [Хреков, 1997. С. 47–55].

Кроме горшков, на нижневолжских памятниках круга Чардымского II – Алексеевского городища, встречены лепные лощеные миски (рис. 2, 15–21). Большая часть их происходит с Чардымского II городища. Четыре из них соответствуют II–III и VIII типам по классификации Д.В. Акимова и А.П. Медведева [Акимов, Медведев, 2002. С. 168–169]. Подобные или близкие миски известны по всей территории распространения памятников киевского типа, где традиция их изготовления восходит еще к пшеворским и зарубинецким прототипам, а тип III имеет истоки на черняховских памятниках.

Помимо лепных, известны типичные сарматские миски нижнедонского происхождения (Ахматское, Березняковское, Алексеевское), которые часто встречаются в позднесарматских погребениях Нижней Волги [Скрипкин, 1984. С. 30, 145] и поселениях круга III Чертовицкого. Чернолощенных фрагментов немного, преобладает подлощенная керамика серого цвета.

Выделение каких-либо строительных комплексов на памятниках типа Чардымского II – Алексеевского в настоящее время проблематично. Постройки Чардымского I городища традиционно относили к городищной культуре [Смирнов, Трубникова, 1965. С. 12], хотя форма (квадратная, прямоугольная), размеры (4x4 м; 4x6 м), следы плетня и глиняной обмазки предполагают связь с черняховскими и киевскими памятниками Днепроовского левобережья [Обломский, 2001. С. 129; Акимов, 2001. С. 142–154]. В заполнении построек, помимо рогожной, присутствовала гладкостенная керамика с защипами по верху. Частой находкой являлись глиняные пирамидальные грузики.

Коллекция бытовых предметов, обнаруженных на памятниках типа Чардымского II – Алексеевского, представлена биконическими и плоскими пряслицами (рис. 2, 24; 3, 16–19), пирамидальными грузиками для ткацких станков (рис. 2, 22–23; 3, 15), фрагментом крышки или вазочки на полом поддоне (рис. 3, 14), пастовыми и стеклянными бусинами, по классификации Е.М. Алексеевой, укладывающимися в конец II–IV вв. н. э. Правда, перечисленные изделия имеют широкий хронологический диапазон, но в целом характерны для черняховской культуры, а на памятниках киевской археологической общности они получают распространение лишь в период черняховского влияния [Обломский, 2001. С. 128].

Появление этого нового для Саратовского Правобережья этнокультурного комплекса, видимо, определяется временем не ранее первой половины III в. н. э. Не исключено, что это явление результат распространения носителей различных приднепровско-причерноморских групп готского союза, в состав которого в качестве одного из основных этнических компонентов входило ираноязычное сарматское население, возможно, родственное поволжскому и постзарубинцы. Это в какой-то степени согласуется с рассказом Иордана о походах готского короля Германариха на восток в сторону мест

расселения меренс, морденс (памятники древней мордвы доходили до широты Саратова, верховьев Медведицы и Хопра) и о завоевании им венетов.

Таким образом, уже сейчас можно предположить, что этнокультурные процессы в лесостепных районах Правобережья Волги протекали в одном русле с соседними регионами, население которых в первые века нашей эры прямо или косвенно было связано с этногенезом славян.

Исследование памятников типа Чардымского II – Алексеевского в Саратовском Правобережье находится на самой начальной стадии, но перспективность их изучения не вызывает сомнений. Неизвестно также, какое население занимало территорию лесостепного Правобережья в раннем средневековье. Прояснить ситуацию смогут лишь новые полевые исследования.

Литература:

Ginalski J Ostrogi kablakowe kultury przeworskiej. Klasyfikacja typologiczna // Przegląd Archeologiczny, 38. Wrocław, 1991.

Акимов Д.В., Медведев А.П. Керамический комплекс верхнедонских поселений типа III Чертовицкого городища. // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2002.

Акимов О.В. Постройки 2-й четверти середины I тыс. н. э. в бассейне Верхнего Дона и лесостепного Хопра. Воронеж, 2001. Вып. 2.

Березуцкий В.Д. Сарматские погребения Власовского могильника // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н. э. Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1998. Вып. 12.

Вихляев В.И. Происхождение древнемордовской культуры. Саранск. 2000.

Ефимов К.Ю. Сарматские курганы в могильнике у с. Третьяки // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н. э. Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 1998. Вып. 12.

Калмыкова В.А. Ахунское городище в Пензенской области // Вестник Моск. Ун-та. Серия IX. М., 1971.

Матвеева Г.И. Некоторые итоги изучения именьковской культуры // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. М., 1997. Т. 3.

Матвеева Г.И. Памятники эпохи великого переселения народов (II–IV вв. н. э.) // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М., 2000.

Матюхин А.Д. Сарматские памятники I–IV вв. Саратовского Правобережья. // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1992. Вып. 3.

Матюхин А.Д. Большедмитриевский могильник в системе сарматских древностей Волго-Донского междуречья // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов, 1997.

Матюхин А.Д., Ляхов С.В. Новое позднесарматское погребение в лесостепном Саратовском Правобережье // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1991. Вып. 2.

Медведев А.П. III Чертовицкое городище. // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н. э. Археология Восточно-Европейской лесостепи. Вып. 12. Воронеж, 1998.

Миронов В.Г. Городецкая культура: состояние, проблемы и перспективы их изучения // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань, 1995. Вып. 4.

Миронов В.Г. Памятники городецкой культуры и проблемы ее локальных вариантов. Автореф. дис ... канд. истор. наук. М., 1976.

Моржерин К.Ю. Сарматская керамика на нижеволжских городищах городецкой культуры // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. (материалы международной научной конференции) Саратов, 1997.

Мулкиджанян Я.П. Поселение Борисоглебское - 4 в Прихоперье. // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н. э. Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж. Вып. 12. 1998.

Обломский А.М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I-V вв. н. э. М.; Сумы, 1991.

Обломский А.М. О памятниках лесостепного Подонья позднееримского времени. // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2. Липецк, 2001.

Обломский А.М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднееримское и гуннское время (середина III-V в. н. э.). М., 2003а.

Обломский А.М. Этнокультурные процессы на территории Днепровского лесостепного Левобережья в III-V вв. н. э. // РА. 2003б. № 1.

Перхавко В.Б. Появление и распространение шпор на территории Восточной Европы // СА. 1978. № 3.

Рыков П.С. Чардымское городище // Известия Саратовского Нижневолжского института краеведения им. М. Горького Т. VI. Саратов, 1933.

Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов. 1984.
Смирнов А.П., Трубникова Н.В. Городецкая культура // САИ вып. Д I-14. М., 1965.

Тертиловский Р.В., Абашина Н.С. Памятники киевской культуры. Киев, 1992.

Трубникова Н.В. Городецкие племена и связи их со скифами и сарматами. // КСИИМК. 1950. Вып. XXXIV.

Хреков А.А. Исследования в бассейне р. Хопер // АО 1984 года. М., 1986.

Хреков А.А. Грунтовый могильник с сожжениями на западе Саратовской области // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1991. Вып. 2.

Хреков А.А. Проблемы этнокультурного развития населения лесостепного Прихоперья в первые века н. э. // Российский исторический журнал. № 1. Балашов, 1994.

Хреков А.А. Раннесредневековое поселение Шапкино II в лесостепном Прихоперье // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995.

Хреков А.А. Археологические исследования в районе с. Рассказань // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996. Вып. 2. Саратов, 1997.

Хреков А.А. Раннеславянские памятники лесостепного Прихоперья // Проблемы славянской археологии: Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т 3. М., 1997.

Хреков А.А. О позднегородецких памятниках междуречья Хопра и Волги // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья (проблемы хронологии и этнической истории). Саранск, 2000.

Хреков А.А. Хронологические индикаторы постзарубинецких памятников инясевского типа в лесостепном Прихоперье // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии (материалы международной научной конференции). Саратов, 2000.

Юдин А.И. Алексеевское городище в г. Саратове // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1998–2000 годах. Вып. 4. Саратов, 2001.

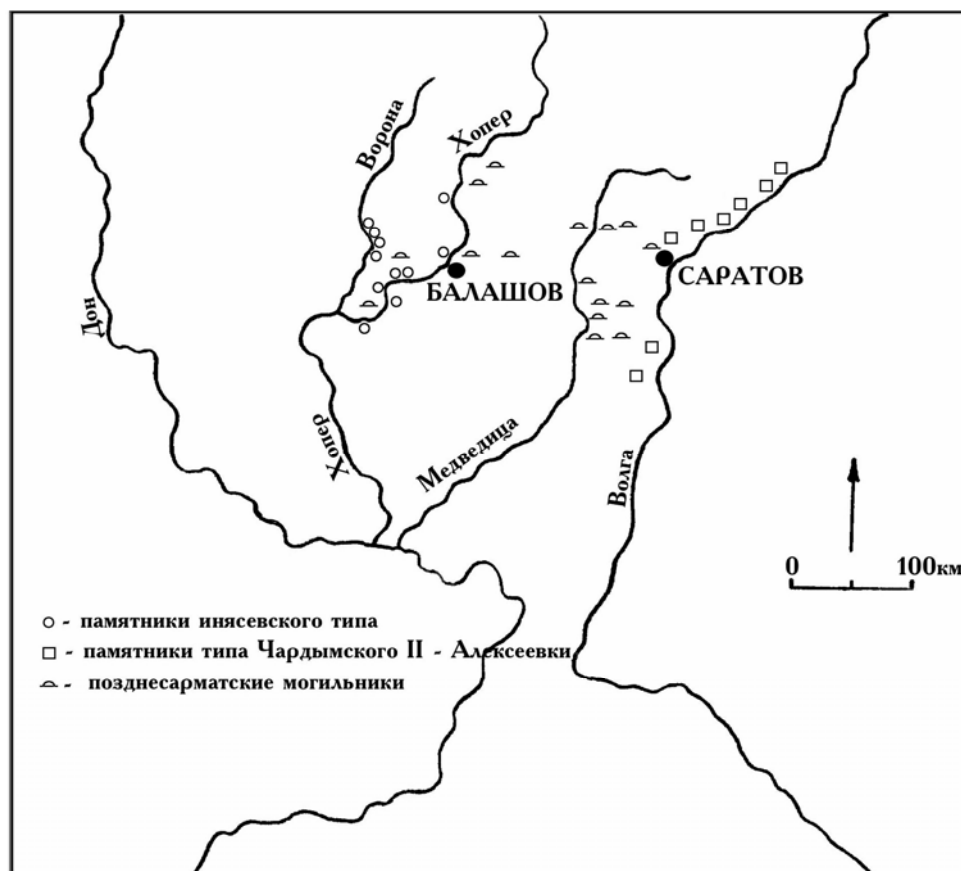

Рис. 1. Карта памятников первой половины I тыс. н. э.

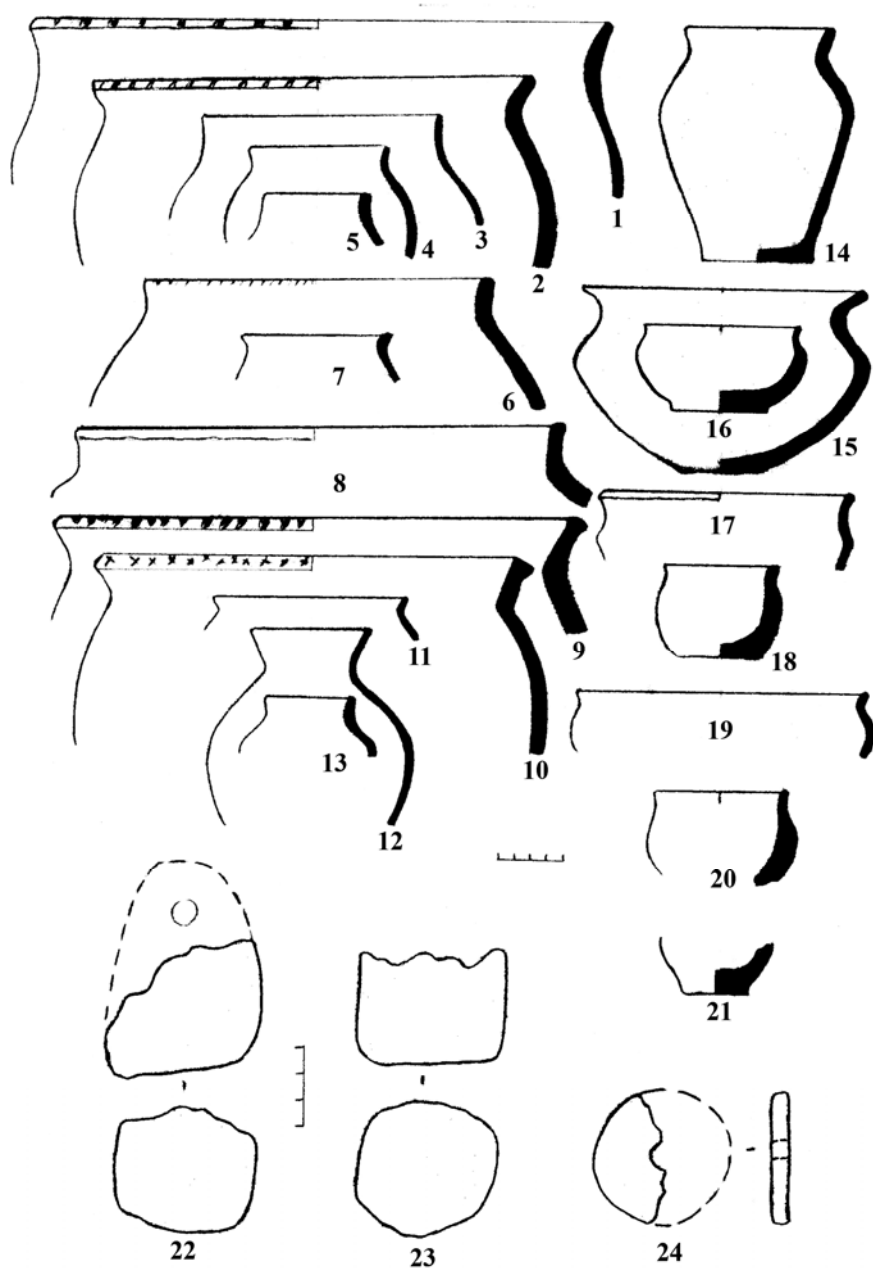

Рис. 2. Керамика и предметы из глины Чардымского II городища.

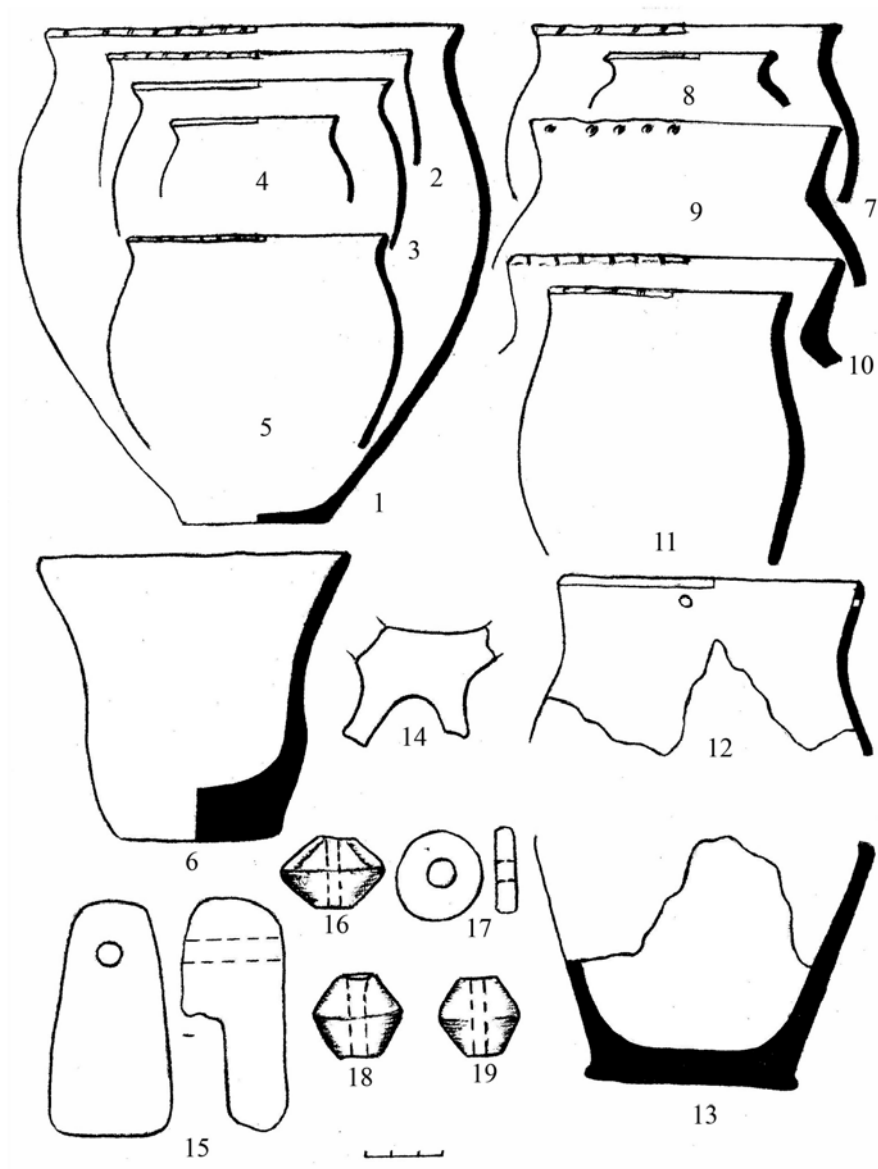

Рис. 3. Керамика и предметы из глины Алексеевского городища.